

*Моей матери Волковой Анастасии Григорьевне,
в девичестве Зенкиной,
Моей бабушке Зенкиной Прасковье Филипповне,
в девичестве Сусяковой,
Моему деду Зенкину Григорию Григорьевичу
посвящается*

По волнам памяти скользая,
я вспоминаю то, что было:
всё то, что сердце зацепило,
что позабыть уже нельзя...

Она запомнила отца высоким, широкоплечим, с весёлыми чёрными глазами и волнистым смоляным чубом, делавшим его похожим на цыгана...

Настя с родителями и старшей сестрой жила в рабочем общежитии, перестроенном из длинного фабричного здания. Посредине здания тянулся длинный коридор, куда выходили двери комнат. Комнаты отделялись друг от друга дощатыми оштукатуренными перегородками. Семья Насти занимала 22-метровые «хоромы» с двумя большими окнами, выходящими на Полянскую улицу. После церкви Иоанна Богослова, где они жили до этого, где всё пространство было поделено занавесками на малюсенькие закутки, в которых уютились семьи рабочих с детьми и стариками, 22-метровая светлая комната действительно казалась барскими хоромами. В комнатах было тепло, весь дом отапливался собственной котельной, работающей на угле. В общем коридоре был даже телефон. Немудрёную пищу готовили на огромной плите в просторной кухне. Плиту тоже топили углём. Здесь же, на кухне, узнавали и обсуждали новости, выясняли отношения. Мужчины курили, читали вслух газеты, обсуждали текущий политический момент.

К дому примыкал обширный зелёный двор с сарайчиками, небольшим гаражом, приютившим грузовичок, и конюшней, где находились лошадь и допотопный тарантас. Добрый конюх дядя Федя частенько сажал детвору в тарантас и катал по городу. Ребянтю было невозможно загнать со двора домой. Играли всё больше в подвижные игры – чижик, штандер, вышибалы, лапту. Зимой заливали лёд,

катались на коньках. Летом всем двором вместе с взрослыми ходили купаться на Коломенку в том месте, где она впадала в Москву-реку. Настя помнит островок с деревьями, песчаное дно, помнит, как отец учил её плавать... Часто ребятня ходила через понтонный мост на противоположный берег Москвы-реки. Там, слева от моста, был хороший песчаный пляж. Надувных резиновых кругов тогда не было. Вместо них надували наволочки. В одной руке держали скрученный конец наволочки, другой рукой наволочку придерживали, нава-

1938 год. Семья Зенкиных.

Слева направо: Прасковья Филипповна, Анастасия, Григорий Григорьевич (сидит), Анна.

ливались на неё грудью и так плавали. Настя однажды конец наволочки выпустила, та сдулась, и Настя чуть не утонула. Старшие её вытащили. Мать потом сильно ругалась. С тех пор Настя боялась воды, плавать так и не научилась.

Через Бобрёнев мост бегали на заливные луга за Москвой-рекой, плели венки из полевых цветов, валялись в густой траве, тут же находили и ели дикий чеснок, петушки щавеля. Бегали босиком, и не потому, что не было обуви, просто так было удобнее. Однажды Настя занозила ногу, перебегая мост. В большой палец ноги вонзилась тонкая длинная щепка. Старшая сестра Аня щепку выдернула, Настя сполоснула ногу в реке и побежала со всеми дальше.

За дощатым забором двора, на территории стадиона «Старт», позже стадиона артучилища, а теперь стадиона Центра беспилотной авиации, простирался обширный фруктовый сад. В здании теперешнего военкомата и других домах по бывшей Красноармейской улице жили семьи военных. Дети из этих домов часто прибегали во двор общежития и в качестве платы за то, что их принимали играть, приносили вкуснящие яблоки, груши и сливы из сада.

Отца и мать Насти в общежитии уважали. Отец был человеком спокойным, рассудительным, грязными словами не ругался, на все руки мастер. Жену свою очень любил и никогда не обижал.

Мать – красивая, статная, с толстой русской косой, уложенной вокруг гордой головы короной, с решительным, прямым характером. И образование – то у неё всего три класса сельской школы, но была в ней мудрость народная, которая образованием не приобретается, а идёт от земли.

Жизнь её совсем не баловала. В 10-летнем возрасте она потеряла мать. Отец, Сусяков Филипп Семёнович, отказался вступать в колхоз, за это его посадили на 10 лет. Пришёл из мест заключения с подорванным здоровьем. Жена Татьяна его дождалась, но вскоре умерла от сибирской язвы. Он женился вторично. Красивая была мачеха, очень красивая. У неё было двое детей – Егор и Ирина, Ирюша, как звала её мать, у него – Прасковья 1911 г. рождения, Татьяна 1916 г. рождения и старший Григорий. Родился ещё один сын Сергей. Отец частенько уезжал на заработки, в доме хозяйничала мачеха. И жизнь становилась похожей на грустную сказку. Обижала мачеха падчериц и пасынка. Бывало, своим детям суп посолит, а падчерицам и пасынку – нет. А дети глупые, дразнились: «А у нас суп вкуснее!» Дадут попробовать, а у них и вправду вкуснее. Отец приезжает – дочки ему жалуются. Трезвый он молчал, а как выпьет, давай жену гонять. Отец вскоре умер.

Когда Прасковья было 16 лет, её выдали замуж за Григория Зенкина 1906 года рождения. Сосватал её дядя, родной брат отца, Григорий Семёнович: «Иди, Паша, замуж, иди, у них хоть хлеба вдоволь поешь». Младшая Татьяна твердила то же самое. Не хотелось Прасковье замуж, да вы-

1940 год.

Слева направо: Анна (стоит), двоюродный брат Слава (сидит), Анастасия (сидит).

бирать не приходилось, жили очень бедно – пять ртов у мачехи. Благо муж оказался хороший, сам не обижал и другим в обиду не давал.

Отца у Григория не было, убили его лихие люди, когда возвращался он с ярмарки. Жил Григорий с матерью Евгенией Потаповной и семьёй старшего брата Николая. Брат Николай умер перед войной от туберкулёза. Жена его, Марфуна, баба красивая, но озорная да бедовая, хозяйством себя не утруждала. Прасковье приходилось работу по дому выполнять и за себя, и за неё. Да и у свекрови характер был не сахарный. Свекровь, как поругается со старшей снохой, зло вымещала на Прасковье. Прасковья хлеб в печь посадит, а свекровь откроет заслонку раньше времени, хлеб не поднимется как следует и получится клёклым, непропечённым. Садится Григорий за стол, а мать ему: «Вот, твоя испекла. Ничего делать не умеет!» А Григорий ест себе и приговаривает: «А что, очень вкусно. Ничего, мать, научится». А жену утешал: «Потерпи, Пашенька, всё наладится».

Полюбила Прасковья Григория всей душой. Родила ему четверых детей. Да только двое – мальчик и девочка – умерли в младенчестве. Выжили Анна 1929 года рождения и Анастасия, Настя, 1931 года рождения. Записана Настя в церковно-приходской книге как родившаяся 25 января 1931 года,

а вот в паспорте стоит другая дата – 19 декабря 1931 года. Когда и кто перепутал дату её рождения, теперь и не узнаешь. Но вот уже 85 лет Анастасия Григорьевна живёт в полной уверенности, что родилась она 19 декабря 1931 года...

С соседями жили дружно, старались помочь друг другу чем могли. Народ в общежитии собрался всё больше степенный, но, как говорится, в семье не без урода. Был один такой в общежитии по фамилии Исакин. Жена его часто пряталась вместе с детьми в комнате Настиных родителей от пьяного мужа. А тот бегал по коридору с опасной бритвой в руках, колотил в дверь и грозился всех зарезать. Тогда Насте и Ане бывало очень страшно. Мать, остро реагирующая на такие выходы, говорила мужу: «Да что же это такое, Гриша? Дай ты ему хорошее, чтобы неповадно было!» «Ну дам я ему, ну упадёт он, – отвечал отец, – но он же пьяный, всё равно не поймёт. Завтра проспится, и я с ним поговорю». Отец выходил из комнаты, скручивал Исакина, а если тот брыкался, то и связывал его, взваливал на плечо и нёс восвояси. На следующий день отец разговаривал с проспавшимся хулиганом, и тот на какое-то время переставал третировать своё семейство.

Отец работал каменщиком в стройконторе, приходил с работы уставшим – работа не из лёгких, – но для детей всегда находил время и доброе слово. Старался дочек побаловать, всегда у него находился для них гостинчик, а если приходил с работы поздно, когда девочки уже спали, то утром они обнаруживали под подушкой какую-нибудь сладость. А в день зарплаты они выглядели отца уже с угла улицы. Шёл он, неся в руках кульки с гостинцами, а те чуть ли не падали у него из рук. Мать укоряла отца: «Балуешь ты их, Гриша, ох, балуешь». «Эх, Паня, да кто же их побалует, кроме меня? Пусть радуются, пока я жив».

Как в воду смотрел. В декабре 41-го его призвали в армию. В здании школы № 1, в Запрудях, где теперь располагается Дом детского и юношеского туризма и экскурсий, в 41-м формировалась 135 стрелковая дивизия. Отец стал рядовым красноармейцем 157 отдельного инженерно-сапёрного батальона 12 инженерно-сапёрной бригады 135 стрелковой дивизии. Военная специальность – минёр. 17 февраля 1942 года дивизия выступила на фронт.

И некому стало баловать девчонок. Детство кончилось.

Насте не было десяти, сестре Анне – двенадцать, когда началась война. Вначале думали, что война скоро закончится и всё будет по-прежнему. Да и отец, когда уходил, улыбался, просил не горевать, война, мол, вот-вот закончится, враг будет разбит, и он, отец, скоро вернётся. Тогда многие так думали. Однако всё по-другому повернулось. Настя помнит, как было страшно во время налётов вражеской авиации в начале войны, помнит вой сирены, помнит, как бежали они в бомбоубежище, находившееся в подвале их дома. В школе занятия отменили – не было отопления, мать целыми сутками на заводе, а они с сестрой – то в очереди, карточки отоваривать, то в очереди за керосином, то на поля бобреневские мёрзлую картошку собирать, то в Конев Бор за сучками, чтобы

хоть как-то обогреть комнату. Котельная в доме не работала, у всех в комнатах стояли металлические печки для обогрева. Топливо для печек доставали кто где мог. Весной Анна и Настя вместе с другими ребятами со двора ездили за сучками в Конев Бор. Из старых тряпок сшили мешки с лямками, в них под завязку набивали сучки. Потом от этих сучков вся спина была в крови. Мать, придя с работы, смазывала спины дочек какой-то мазью и плакала. Однажды Настя чуть не попала под поезд. Поезд на остановке стоял всего две минуты, за это время надо было успеть вскочить на ступеньки. А на спине тяжёлый и неудобный мешок с сучками. Настя, самая маленькая из ребят, замешкалась, поезд уже тронулся, а она ещё никак не могла забраться на ступеньку. Но ей повезло. Какой-то мужчина схватил её за воротник одежды и втащил в тамбур.

Готовили на керосинке и примусе. Из мёрзлой картошки, которую удавалось добыть на полях за Бобреньевым мостом, пекли чибрики и носили матери на завод. Картошку приходилось выковыривать из мёрзлой земли руками, все руки были в ссадинах и кровоточили. Для перевозки картошки приспособили детские саночки. Однажды попались на глаза конному объездчику. Он не посмотрел, что девочки совсем маленькие, замёрзшие, с окровавленными руками, отобрал и картошку, и санки. Домой вернулись ни с чем.

Голодно было, на карточки много не получишь. Мать работала на заводе текстильного машиностроения им. Энгельса, эвакуированном из Ленинграда и переоборудованном для нужд обороны. На нём производили комплектующие для миномётов. Располагался он совсем рядом с домом – на территории бывшего Коломенского патефонного завода, эвакуированного в город Белово Новосибирской области. Матери было положено 600 грамм хлеба, Насте с сестрой – по 350 грамм, как иждивенцам. Ещё на карточки давали немного подсолнечного масла, муки, крупы да кусочек мыла на месяц. Но чтобы отоварить карточки, надо было ещё и в очереди помёрзнуть. Один раз у Насте в очереди карточки вытащили. Мать чуть руки на себя не наложила. Как они тогда выжили, Настя до сих пор не понимает. В редкие выходные дни мать ездила по ближайшим деревням, продавала вещи, чтобы купить керосин и продукты. Вскоре в комнате кроме стола и железных кроватей ничего не осталось. Больше всего Настя убивалась по зеркальному трюмо, купленному перед самой войной. Трёхстворчатое, с зеркалами необыкновенной чистоты, украшенное инкрустацией, оно казалось ей волшебным.

Когда стало совсем голодно в Коломне, мать уехала с детьми в деревню к свекрови. И мать, и отец, и сестра Анна, да и сама Настя родом были из деревни Невеличка Каверинского района Рязанской области. В голодном 34-м отец подался на заработки в Коломну, а вскоре перевёз туда и семью. Сначала жили в Песках. И сейчас, подъезжая к железнодорожной станции Пески, слева от путей можно увидеть два одинаковых одноэтажных дома барачного типа. В одном из них и жила семья Насте.

Потом их переселили в церковь Иоанна Богослова, что на Житной площади. Скученно, тесно

жили в церкви. У многих были вши. Настя помнит, как мать проглаживала раскалённым утюгом одежду бесхозяйного соседа, как трещали, лопаются под тяжёлым утюгом, вши. Зато с высокого церковного фундамента здорово было смотреть, как идут через площадь Двух Революций праздничные колонны демонстрантов.

Затем семья переехала в общежитие на Полянскую, 6. А теперь вот снова возвращались они в родную деревню, только без отца. В деревне, конечно, тоже народ бедствовал, но всё-таки прокормиться было легче. Мать пошла работать конюхом на колхозную конюшню. Бабушка Женя работала в поле, Настя с сестрой – при ней. Доставалось тогда детям. В поле – наравне с взрослыми: пахали на быках, жали серпами, вязали вясла, снопы, молотили цепами зерно, лушили подсолнухи. Да ещё 30 соток своего огорода, где сажали картошку, лук, подсолнухи, просо. У бабушки Жени была коза Зорька, давала литр молока в день – кормилица. Те семьи, в которых мужчины по каким-то причинам не попали на фронт, те, в которых кто-то работал в магазине, или на складе, или в правлении колхоза, жили побогаче. У председателя правления было две коровы. Настя с Анной рвали траву, зарабатывали себе молоко. За два мешка травы жена председателя давала литр молока. Но это летом, а до лета надо было ещё дожить. К весне все запасы подъедались, варили щи из лебеды, в муку добавляли толчёную кору, картошку, крапиву, лебеду, пекли хлеб.

Мать ходила в Сасово на рынок, продавала всё, что можно было продать, чтобы справиться дочкам обувь, одежду или купить продукты. Однажды по весне взяла с собой Настю. Навязали два мешка семечек, насыщенных с осени, и пошли. Мешки тяжёлые, путь неблизкий – 30 км. Вышли рано, до света. Начал моросить мелкий дождь. Пока шли, дождь всё усиливался и наконец превратился в ливень. Перед самым городом лежал овраг. Тонкий ручеёк, струящийся по дну оврага, от ливня превратился в шумящий бурный поток, почти непроходимый. Мать встала по грудь в бурлящей ледяной воде. Настя подавала ей мешки, а она перебрасывала их на другой берег. Потом перетасила и Настю. Повезло, что на берегу рос какой-то куст, за который мать и держалась. Если бы она выпустила куст из руки и поскользнулась, утонули бы обе. Еле выбрались на другой берег, промокли до нитки. Лапти размокли, разорвались, шли в чулках. Хорошо ещё, что чулки были толстые, связанные из овечьей шерсти. Из последних сил доплелись до города и постучались к знакомым. Те, увидев их, ужаснулись, но без лишних слов тут же переодели в сухую одежду, дали по стакану горячего молока и маленькому кусочку хлеба. Настя грела замёрзшие руки о горячий стакан и пила молоко маленькими глоточками, наслаждаясь. Спать их положили на тёплую печку. Утром проводили в дорогу. Анастасия Григорьевна до сих пор с благодарностью вспоминает

тех людей. Семечки они с матерью продали, купили сахар, соль, крупу, мыло, спички.

Несмотря на войну, Анна и Настя учились. Ходили в школу в соседнюю деревню Кучасьево за 7 километров. Все деревенские ребятки ходили вместе. Вставали очень рано, чтобы успеть к началу занятий, шли полями. В темноте посверкивали волчьи глаза. В войну волков развелось очень много, некому было их отстреливать. Хищники сбивались в огромные стаи, нагло заявлялись в деревню, подкапывали земляные полы сараев и резали скотину. Собак в деревне не осталось, всех загрызли волки. Бабушка Женя козу Зорьку держала в кухне, чтобы та не досталась волкам.

В самые сильные морозы школьники оставались в Кучасьево, колхоз снимал для них избу.

В 43-м пришла похоронка на отца. Погиб он 13 июля на второй день контрнаступления на Орловско-Курском направлении в бою за деревню Белый Верх Ульяновского района, возле моста через речку Фоминку. Мать закаменела, боялись, умом тронется. Вот так в 32 года осталась она вдовой. Отца на момент гибели было 37 лет.

Отца Настя запомнила высоким, широкоплечим, весёлым...

1946 год.

Женская часть семьи Зенкиных.

1 ряд слева направо: Анастасия (стоит), Евгения Потаповна (сидит), Анна (стоит).

2 ряд слева направо: стоят Марфа и Прасковья.